

Г. В. Федюнёва, Первичные местоимения и их производные в пермских языках. Диссертационная работа, представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск 2009.

15 мая 2009 года на совете Д 212.117.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «10.02.02. — Языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)» при Мордовском государственном университете состоялась защита докторской диссертации Г. В. Федюнёвой на тему «Первичные местоимения и их производные в пермских языках». Официальными оппонентами выступили профессор доктор филологических наук И. В. Тараканов (Ижевск), Д. В. Цыганкин (Саранск), В. М. Лудыкова (Сыктывкар)

В языкознании — как классическом, так и новейшем — много внимания уделяется изучению класса слов, за которым прочно закрепилось довольно неопределенное, но в основе своей вполне понятное терминологическое обозначение — местоимения. Практически обозреть всю литературу по этой теме вряд ли возможно. Тем не менее, круг обычно обсуждаемых в ней проблем традиционен — это семантическая, функциональная сущность, формально-грамматическое разнообразие местоимений, природа возникновения и эволюция.

Каждый язык или группа родственных языков обнаруживают поразительное разнообразие форм и значений местоимений, без учета которого общая теория местоимений не может считаться полной. В силу этого сведения, проливающие свет на проблему местоименности, приобретает особое значение независимо от генетического или типологического строя языков, данными которых мы пользуемся.

Исследование Г. В. Федюнёвой представляет собой системный анализ местоименной лексики пермских языков. Выбор темы правомерен, актуальность не вызывает сомнений. Ее всесторон-

няя разработка необходима для дальнейшего развития пермистики, решения многих важных проблем происхождения и развития финно-угорских языков.

Ошибочно думать, что пермские местоимения не были предметом изучения. В работах по финно-угроведению — мы имеем в виду такие широко известные обобщающие труды, как «Финно-угорское языкознание» И. Синнеи, «Сравнительная грамматика уральских языков» Б. Коллиндера (FUV), «Историческая морфология пермских языков» Б. А. Серебренникова, «Структура и развитие пермских языков» Р. Бартенс, «Реконструкция пермского языка-основы» Ш. Чуча, работы К. Е. Майтинской, и прежде всего, ее книгу «Местоимения в языках разных систем» и др., — сформулированы основные концептуальные положения о происхождении и развитии местоимений в финно-угорских, в том числе пермских, языках. Имеется много статей, посвященных отдельным вопросам семантики и этимологии местоименных форм. Об этом свидетельствует и внушительный список научной литературы, приведенный автором в работе. Однако многие вопросы до сих пор почти не исследованы, сведения о пермских местоимениях разбросаны по разным источникам и не систематизированы. Имеющиеся гипотезы о происхождении местоимений не только в пермистике, но и в финно-угроведении, часто противоречивы, многие вопросы не нашли никакого решения. Надо иметь в виду, что история пермских, и можно сказать в целом уральских, местоимений была предметом исследования почти полвека назад и с тех пор почти не пересматривалась. Некоторые гипотезы устарели, появился материал, позволяющий по-новому взглянуть на существо проблемы. Во многом изме-

нился и взгляд исследователя, в частности, на понимание праязыка как целостного образования, его временные и территориальные рамки.

По собственному признанию автора, она далека от мысли решить все вопросы исторической грамматики пермских местоимений, поскольку это очень большая проблема для любого языка, не имеющего древних памятников письменности. Их можно осветить лишь гипотетически. Однако обширный материал, собранный ею, а также последовательное применение методов синхронного и диахронного языкознания, типологической и контрастной лингвистики позволили по-новому интерпретировать многие проблемные вопросы и открыть новые перспективы для исторического финно-угроведения.

Используя принцип системности местоимений, Г. В. Федюнова умело проецирует его на историческое развитие. С автором можно согласиться в том, что такие факторы, как смысловые оппозиции, формальная вариативность и аналогия, которые играют весьма существенную роль в системе местоимений любого языка, могли иметь и, по-видимому, имели место и в их историческом развитии. В предыдущих сравнительно-исторических исследованиях они, как правило, не учитывались, что значительно сужало возможности исторических реконструкций.

Композиция работы логична и целесообразна, отвечает задачам исследования. Она состоит из введения, трех глав — в соответствии с тремя основными группами первичных местоимений, заключения, списков использованной литературы, источников и условных сокращений. Каждая глава начинается с изложения основных сведений о системе личных, указательных и вопросительных местоимений в финно-угорских языках и их праязыковых реконструкциях. Автор приводит мнения исследователей, так или иначе касающихся данной проблемы. Эти вводные разделы являются своего рода общим фоном для анализа современного пермского материала и реконст-

рукции праформ. При этом автор опирается на такие авторитетные в финно-угристане издания, как «Уральский этимологический словарь» Кароя Редее (UEW), «Краткий этимологический словарь коми языка» В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева (КЭСК) и другие этимологические словари финно-угорских языков и ветвей.

Во введении обосновывается выбор темы, сформулированы цели и задачи исследования, указаны материалы, послужившие источником для работы, отмечены ее новизна, теоретическая и практическая значимость. Особое внимание уделено методам и методике исследования, необходимости системного подхода к описанию местоимений как закрытого класса слов, «развивающихся по своим внутренним законам». Этот постулат является опорным при объяснении многих изменений в разделах, посвященных конкретным рядам местоимений.

Достоинство работы в том, что в ней впервые рассмотрены не только основные формы местоимений, но и производные наречия, прилагательные, количественные слова, а также генетически связанные с ними служебные части речи. Это позволяет увидеть логику исторического развития не только системы местоимений, но и других, тесно связанных с ними частей речи.

Первая глава посвящена описанию системы личных местоимений 1-го и 2-го лица в пермских языках. Автор справедливо считает местоимения 3-го лица в пермских языках «несобственно-личными» или «указательно-личными» и рассматривает их во второй главе вкупе с другими указательными местоимениями. Это не только оправдано с исторической точки зрения, но и методологически верно, поскольку местоимения 3-го лица в пермских языках, в отличие от мордовских и прибалтийско-финских, до сих пор входят в систему указательных, с которыми имеют как общность функций и словоупотребления, так и структурную и генетическую общность.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица занимают особое положение в

системе любого языка. Их генезис и словоизменение значительно отличаются как от номинативной лексики, так и от других разрядов местоименных слов. Несмотря на многочисленные исследования морфологии финно-угорских личных местоимений, многие вопросы, касающиеся, в частности, образования числовых и падежных форм, остаются проблематичными как для финно-угорских (уральских) реконструкций, так и их языковых ветвей (промежуточных праязыковых ступеней).

В работе Г. В. Федюнёвой эти вопросы тоже рассматриваются. Отталкиваясь от принятых в финно-угристик праязыковых реконструкций и приводя мнения историков языка (В. И. Лыткина, Кароя Редее, Шандора Чуча, Райи Бартенс, Клары Майтинской и др.), автор на материале пермских языков и их диалектов высказывает ряд оригинальных мыслей об онтогенезе личных местоимений. Приведенный пермский материал подтверждает, что формирование основных грамматических падежей в единственном числе относится к очень древним периодам финно-угорской общности. Наиболее древними падежами личных местоимений Г. В. Федюнёва считает аккумулятив, генитив, датив и аблатив, что, в принципе, соответствует принятой в финно-угристик гипотезе, хотя имеются и другие мнения, например, К. Редее считает первым косвенным падежом датив. Вклад автора в решение этой сложной проблемы состоит в том, что она попыталась объяснить факультативность использования финно-угорского суффикса **-n* в пермских языках, с помощью методов функционально-семантического анализа.

Присоединяясь к мнению некоторых исследователей в том, что прафинно-угорские личные местоимения не имели форм множественного числа, автор доказывает, что окончательное формирование парадигмы склонения во множественном числе произошло уже в отдельной жизни удмуртского и коми языков. Интерес представляет оригинальная концеп-

ция автора о происхождении генитива коми личных местоимений множественного числа (*миян / тиян 'наш / ваш'*), этимология которого до сих пор вызывала споры. Скрупулезный анализ диалектного материала (особенно коми) позволил выявить картину использования лично-притяжательной суффиксации в падежеобразовании пермских местоимений как в ретроспективе, так и в современных языках и диалектах.

Большой вклад в финно-угроведение вносит исследование системы указательных местоимений пермских языков во второй главе рецензируемой работы. Как известно, в финно-угорском (уральском) праязыке существовало много указательных частиц, из которых впоследствии развились другие группы местоимений, в том числе и личные. Наиболее последовательно сохранились указательные местоимения с основами на *t-* и *s-*. Г. В. Федюнёва представила материал по всем финно-угорским языкам, в которых нашли отражение эти древние указательные корни. Она обращает внимание прежде всего на системные связи этих местоимений по дальности указания, что было характерно и для праязыка, а также на сохранность этих оппозиций в разных языках.

Автор приходит к выводу, что в пермских языках, находящихся в маргинальной зоне контактов с разными группами родственных языков, древние типы оппозиций по дальности указания перетерпели изменения. Ими утрачена *t*-овая основа дальнего указания, а основную оппозицию составили основа ближнего указания *ta-* и дальнего *s-*. В работе отдельно рассмотрены оппозиции указательных основ не только в каждом из пермских языков, коми-язьвинском и бесермянском наречиях, но и каждом из диалектов, в том числе в смешанных говорах. Это позволило выделить регионы, в которых сохранилась *t*-овая основа дальнего указания — реликт древней финно-угорской основы с велярным гласным.

Вторая глава, посвященная пермским указательным местоимениям, наи-

более интересна с точки зрения содержания оригинальных гипотез и авторских трактовок, выдвигаемых в финно-угроведении впервые. Опираясь на имеющиеся этимологии, Г. В. Федюнёва во многих случаях идет своим путем, предлагая новые версии, в большинстве случаев аргументированные и подтвержденные материалом. Так, в литературе не было удовлетворительной версии, объясняющей структурные различия местоимений коми *taiö ciiö* и удм. *ta, so* 'этот, тот': суффикс *-iö* в коми языке априорно считался усилительной частицей. В исследовании Г. В. Федюнёвой представлена картина закономерных изменений в коми языке, связанных со становлением личного местоимения 3-го лица. По ее мнению, толчком к этому стало использование финно-пермской указательной основы **n-* (как и в эстонском и марийском языках) в функции личного местоимения 3-го лица множественного числа. Формирование этого местоимения повлекло за собой преобразования в системе коми местоимений, чем и объясняются структурные различия в современных пермских языках. Поскольку суффикс *-iö -ia* в коми местоимениях до сих пор не имеет серьезной этимологии, предположение Г. В. Федюнёвой можно принять в качестве рабочей гипотезы.

В работе Г. В. Федюнёвой впервые в финно-угроведении дана картина становления систем производных в пермских языках, выявлены расхождения между наречиями места, времени, образа действия в коми и удмуртском языках, предприняты попытки их объяснить. Особенно детальный анализ дан развитию систем указательных наречий места в коми языках. Материал и аргументация автора заставляют согласиться с утверждением, что традиционные доказательства пермских языков в пользу реконструкции вокалических указательных основ в уральском праязыке не достаточно доказательны. Аналогичная частьца имеется и в отдельных мордовских диалектах, например, *э-те* 'этот', *э-не* 'эти' — *э-се* 'тот', *эс-не* 'те',

где она используется параллельно с основными *t-*овыми и *s-*овыми указательными основами: *эт'е кудос'/т'е кудо'* 'этот дом' и не участвует в оппозиции по дальности указания.

Большой интерес представляют разделы главы, посвященные рассмотрению частиц и союзов местоименно-указательного происхождения. В историко-лингвистических исследованиях частицы, как правило, не достаточно освещены. Г. В. Федюнёва последовательно выявила разряды частиц, восходящих к разного рода действительным корням, рассмотрела заимствованные из соседних языков элементы.

Третья глава построена по апробированной логике предыдущих глав: сначала изложение принятых в финно-угроведении уральских реконструкций, затем попытка проследить эволюцию этих основ в пермских языках. Обращается внимание не только на структурные преобразования, но и на функционально-семантические изменения, приведшие к системным дивергентным процессам в каждом из пермских языков.

Г. В. Федюнёва впервые в отечественном финно-угроведении рассмотрела вопросительные *k-*овые и *m-*овые корни в системных связях друг с другом, выделила и описала их основные значения, а также изменения в семантике, обусловленные динамикой развития. Она попыталась найти решение еще одной загадки пермских языков: чем объяснить, что в коми-зырянском языке основное вопросительное местоимений со значением 'кто' имеет форму *кодi*, а в коми-пермяцком и удмуртском — *кин*. Справедливо считая, что для таких близкородственных языков, как пермские, существующее объяснение об участии в их формировании разных деривационных суффиксов, малоубедительно, она пытается объяснить появление *кодi* на месте *кин* в коми-зырянском языке утратой последнего и передвижением «дистрибутивно-вопросительного» (по терминологии автора) *k-*ового местоимения *код-* 'который' на место утраченного «лично-вопросительного». Убедитель-

ны примеры из коми диалектов, где первоначальные значения сохраняются. Более того, само по себе передвижение основы *kod-* в зону одушевленности вызвало ряд изменений в системе производных вопросительных местоимений только в коми-зырянском языке. В коми-пермяцком, коми-язьвинском и удмуртском языках сохранилась более древняя трехчленная система оппозиций. Эти проблемы в рецензируемой работе поднимаются впервые.

С точки зрения дальнейших исследований в области финно-угорских (уральских) реконструкций заслуживает внимания высказывание автора, недостаточно, правда, аргументированное, о том, что финно-угорское *k-*овое местоимение с заднерядной огласовкой уже в праязыке было специализировано как выделительно-вопросительное. Оно указывало на предмет или лицо, которое надо было выделить из числа многих, следовательно, суффикс **-t-* мог быть выразителем множественности, что в принципе в той или иной степени сохраняется и сейчас.

Заслугой Г. В. Федюнёвой является также системное описание производных наречий, адъективов и других вопросительных слов в пермских языках. В отличие от указательных местоимений, системность которых во многом определяется семантическим противопоставлением по удаленности, вопросительные не так системны, поскольку образованы от двух конкурирующих основ — *m-*овой и велярной *k-*овой. Как показывает приведенный материал современных финно-угорских языков, их соотношение в разных ветвях и даже в близкородственных языках различно: в одних преобладают *m-*овые производные, в других — *k-*овые. Эти вопросы в финно-угроведении лишь констатируются и еще не получили однозначной интерпретации, хотя сам факт преобладания тех или иных может служить дополнительным критерием для установления общности языковых групп.

Системно-смысловой принцип анализа, заявленный в качестве одного из основных методологических подходов,

наиболее полно проявился в разделе, посвященном неопределенным, отрицательным и обобщительным местоимениям, которые не относятся к первичным, однако непосредственно связаны с вопросительными отношениями деривации. Разряды рассмотрены с точки зрения многообразия форм и их происхождения. Особенно многочисленны деривационные модели пермских неопределенных местоимений, в структуре которых обнаруживаются как древние финно-угорские компоненты, так и более поздние заимствования, разные, по понятным причинам, для коми и удмуртского языков.

Выводы, сделанные в заключение, логично вытекают из проведенного анализа и представляются вполне объективными и обоснованными. Особенно интересны выводы историко-лингвистического характера. Как отмечает автор, местоимения являются только незначительной частью лексической системы языка и не могут дать полной картины его исторического развития, но и в них находят отражение следы былых контактов и изменений. В работе Г. В. Федюнёвой эта возможность особенно актуализирована; ей удалось выявить дополнительные факты контактов коми с прибалтийско-финскими этническими группами, пермян — с волжскими финнами, прежде всего с марийцами, а также русскими, чувашами и татарами. Разумеется, многие версии требуют проверки с привлечением более обширного материала. Выдвинутые предположения не могут быть пока отвергнуты по той причине, что они разработаны в русле существующих теорий о былых контактах чувашей и пермян, коми и прибалтийско-финских народов, в том числе и южной группы, что особенно подчеркивается в работе.

Наряду с отмеченными достоинствами следует указать на некоторые упущения.

1. Излишняя перегруженность диалектным примерами, что, видимо, объясняется стремлением представить материал в полном объеме.

2. С. 40. Автор отмечает, что в финно-угорских языках основа личных местоимений имеет различную огласовку: в коми, прибалтийско-финских, марийском — переднерядная, в удмуртском и мордовских — заднерядная. Это не совсем точно. В мордовских языках личные местоимения представлены как с переднерядными, так и с заднерядными образованиями.

3. С. 40. Автор ссылается на Б. А. Серебренникова и считает, что мордовский родительный падеж личных местоимений остается загадкой для исследователей, а между тем загадки нет. Родительный падеж *монь* 'мой' образован от личного местоимения с помощью палатального суффикса *-нь*.

4. С. 90. По словам автора, в хантыйском языке в дейктическую систему активно включены местоименные основы на *s-*, которые в этой позиции ориентированы на дальность указания. Однако в словаре Н. И. Терешкина (1981) «Словарь восточно-хантыйских диалектов» мы не находим местоименные образования с основой на *s-*, за исключением послелога *sājna/sājnə* 'где, откуда'.

5. С. 82. Неточная фиксация мордовских местоименных образований: вместо *тосо/тоса* 'там' — *тося/тосе*, а вместо *тесэ* 'здесь' — *тесе, тезэнь* 'сюда' - *тезэнь*. Автор утверждает, что в мордовских языках спорадически встречаются в местоименных образованиях *ти-* и *ту-*, а между тем они регулярны в пролативной форме: *тия* 'по эту сторону, здесь', *тува* 'по ту сторону, там'.

6. С. 171. Автор утверждает, что в мордовских, марийском и мансийском языках обнаруживается реликтовое деление темпоральных наречий на значения 'ближний' и 'дальний' указатели, приводится пример: *тяни* 'теперь', *тоса* 'тогда'. В действительности же в эрзянском языке такого сопоставления нет, так как компонент *тосо* не может быть противопоставлен компоненту *тяни*. Здесь возможно противопоставление *тесэ/тоса* 'здесь/там'.

7. С. 180. Г. В. Федюнова пишет, что в мордовских языках количественные сло-

ва *зяро, зняро* образованы от указательных основ с компонентом послелога *няро/нярь*. В действительности же, данные местоименные слова образованы от двух местоименных основ: 1) вопросительное местоимение *ме* + указательное местоимение *се* + 2) существительное *нярь* 'некое количество'.

8. С. 197. Ссылаясь на Б. А. Серебренникова, автор утверждает, что *моکش. сембеда* образовано от местоимения *се-*, к которому присоединен суффикс *-мб*, выражающий контрастивность. В современных мордовских языках такого суффикса с таким значением не существует. В данном примере он реликтовый.

9). С. 227. В тексте «от *ко-*, *ку-* образуются производные со значением 'который': *коната, ковата, конась* 'который', а также *кодамо, кодат, конашка* 'какой'. Все это так, но в мордовских языках с основой на *ку-* нет местоименных образований с подобными значениями.

10. Встречаются разночтения: в одних местах мордовский язык, в других — мордовские, в третьих — эрзянский, мокшанский. В настоящее время в мордовском языкознании приняты два самостоятельных языка — эрзянский и мокшанский.

В целом, рецензируемая работа представляет собой новый важный этап в развитии пермского и финно-угорского языкознания. Несмотря на неточности в гипотезах и выводах, она представляет исключительную ценность не только для дальнейшего развития финно-угроведения, но и общей теории языка. Выводы проливают свет на общие закономерности преобразования языковых систем и подсистем, способствуют выявлению универсальных путей развития и индивидуального становления.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

Address:

D. V. Cygankin
Mordvinian State University